

ский поземельный банк играл определяющую роль при попытке решения земельного вопроса в рамках столыпинской аграрной реформы. Деятельность банка во многом объясняет активную позицию крестьянского населения при создании единоличной собственности в форме хуторского и отрубного владения землей. Можно утверждать, что именно деятельность банка способствовала укреплению финансового положения крестьян накануне Первой мировой войны.

---

¹ Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. Ф. 29. Оп. 1. Д. 601. Дело о покупке фруктовых деревьев крестьянами Гродненской губернии для разведения фруктовых садов на хуторах имений Крестьянского поземельного банка, 1913—1917 гг. Л. 29.

² Литовский государственный исторический архив. Ф. 543. Оп. 1. Д. 6. Циркуляры о торгах, 1912—1915 гг. Л. 5.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Письма Петра Аркадьевича Столыпина, министра внутренних дел и других лиц, 1906—1915 гг. Л. 20—21.

М. Б. Ларионова, Е. П. Пирогова

ПИСЬМА СОЛОМИРСКИХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСКОГО ИМЕНИЯ СЕРЕДИНЫ XIX в.*

Одной из ключевых проблем изучения повседневной жизни в историческом ракурсе становится выявление источников, позволяющих эту жизнь реконструировать. Большую роль здесь играют документы личного происхождения: мемуары, воспоминания, письма, дневники. Современные исследователи считают эти источники наиболее адекватно отражающими действительность, поскольку именно они «воспроизводят формы социального общения, представления, мысли, чувства, т. е. человеческое содержание социальной культуры с помощью языка, стиля, фразеологии, терминологии»¹, содержат отсутствующие в других исторических документах сведения, отражающие каждодневные рутинные занятия, житейские мелочи и детали, дающие возможность реконструировать повседневную жизнь человека, семьи, общества. Такие источники, отличающиеся субъективностью изложения событий, позволяют ярче почувствовать особенности того или иного исторического периода, так сказать, «дух» времени, они воспринимаются как «Я-документы» (или «Эго-документы»), что для изучения мировоззрения и сознания отдельного человека как представителя

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области, проект № 14-11-66007.

определенной социальной группы имеет огромное значение². Изучение повседневной жизни, в частности провинциального дворянского имения и помещичьей семьи, стало возможным во многом именно благодаря введению в научных оборот комплексов документов личного происхождения. Один из таких комплексов, выявленный в личном фонде А.Я. Булгакова Отдела рукописей Российской государственной библиотеки³, и будет представлен в данной статье.

Известно, что первая половина XIX в. – это «пишущая» эпоха, дающая нам представление о так называемом «пушкинском» и «пост-пушкинском» периоде жизни столичного российского дворянства, во многом благодаря сохранившимся письмам и дневникам, многие из которых к настоящему времени уже опубликованы⁴. Появились и специальные научные работы, исследующие психологию элиты российского дворянства через их эпистолярное наследие⁵. В то же время гораздо скуднее представлена документация личного происхождения повседневная жизнь помещиков в провинции. Поэтому выявленный нами значительный комплекс (всего 174 документа) эпистолярных источников представляет особую ценность и интерес для исследователей. Основу комплекса составляют письма уральского заводчика Павла Дмитриевича Соломирского (89 писем) и членов его семьи: жены, Екатерины Александровны (урожденной Булгаковой, 82 письма), детей – Ольги и Дмитрия (4 письма) и еще два письма, написанные уже ставшим взрослым сыном Соломирских, Дмитрием Павловичем.

Глава семьи, кадровый офицер и участник военных действий П. Д. Соломирский (1798–1870), в 1839 г. вышел в отставку, несколько лет служил в Департаменте уделов, а с 1855 г. покинул и гражданскую службу, что позволило ему более основательно заняться управлением Сысертским горным округом, совладельцем которого он стал еще в 1832 г. С того времени Соломирские вплоть до национализации 1918 г. владели заводской недвижимостью и были тесным образом связаны с Уралом. Незначительная часть писем (конца 1830-х – начала 1840-х гг.) относится к столичному периоду жизни семьи Соломирских, когда письма посылались в Москву из Петербурга, где молодая чета вела светский образ жизни, блистала на балах, влезала в долги, и Царского села, где квартировал полк, в котором находился на службе Павел Дмитриевич⁶. Некоторые письма были посланы из Казани и Нижнего Новгорода, очевидно, они писались по дороге из столицы в уральскую вотчину или наоборот. Но основной массив писем, датированных серединой 1840-х – началом 1850-х гг., был послан в Москву из Екатеринбурга и Сысертского завода, когда семейство переехало на Урал и окончательно здесь обосновалось. Все письма имели единый адресат: отца Екатерины Соломирской, московского почт-директора А. Я. Булгакова.

Письма показывают, что и перебравшись в провинцию, семья Соломирских не прервала связей со столицей, и имея лишь редкие возможности навещать своих столичных родственников и знакомых, продолжила общение с ними через регулярную переписку, получая все столичные новости от отца-тестя. Для живущих в сысертском имении Павла и Екатерины Соломирских эти письма стали частью повседневного существования, и в то же время они были их связью с внешним миром, источником информации о событиях из прежней светской жизни. Письма ждали, получали, читали и перечитывали, писали и переписывали, отправляли почтой и посылали с оказией через ехавших в Москву знакомых.

В соответствии с правилами дворянского воспитания того времени письма Павла и Екатерины написаны в основном на французском языке, знание которого считалось нормой, этот язык был модным, на нем не только говорили, но думали и писали. О менталитете образованного человека дореформенного периода очень хорошо написал в одном из посланий сам Павел Соломирский: *«Мое письмо, – отмечал он, – настоящее смешение нижегородского с французским, простите, папаша, я ведь вам пишу, как думаю, а думаю я на родных диалектах, и счастье ваше, что по-английски не говорите, а не то бы и собачьего языка бы вам пришлось хлебать в сей крошечке»*. Действительно, в письмах не только имена прописывали на французский манер, но часто переходили на иностранный язык в любом месте, прерывая русский текст. В противоположность старшему поколению, дети уже писали только на русском языке, хотя знали французский в совершенстве. Видимо, воспитание в провинции, отсутствие опыта пребывания в столичном светском обществе способствовало проникновению в их сознание традиционной русской культуры и пониманию ценностей русского общества.

В целом информационный потенциал данного комплекса писем довольно высок. Мы узнаем о тех людях, с которыми общались Соломирские: это и начальник горных заводов генерал Глинка, и помещик Александр Всеволожский, – оба переехавшие на Урал, один по долгу службы, второй – по собственной воле, екатеринбургский купец Рязанов, приказчик и управляющий Сысертского завода, и многие другие, часто происходившие не из их привычного круга общения, но полезные и необходимые для ведения хозяйственных дел. Со временем, судя по письмам, круг общения Соломирских сузился, замкнувшись на близких людях, преимущественно членах их все разросшейся большой семьи. Письма позволяют говорить об особенно трепетных отношениях внутри семьи, в которой дети росли в атмосфере любви, доброты и особого почитания старших, с детства впитывая семейные ценности, являвшиеся частью культуры дворянского сословия, и которые впоследствии были переданы следующему поколению.

этого рода. Теплые, близкие отношения между братьями и сестрами сохранялись до конца жизни.

Переписка позволяет увидеть многие, в том числе материальные, стороны жизни данной дворянской семьи: мы находим описание «старого дома», построенного еще А. Ф. Турчаниновым, интерьера некоторых комнат в доме. Письма раскрывают ежедневные занятия членов семьи: так, Павел Дмитриевич занимался управлением заводами и ведением хозяйства, по-прежнему продолжал интересоваться политикой, получая новости из газет, которые выписывал в большом количестве. Много времени глава семейства тратил на лошадей и разведение редких коллекционных сортов цветов. Скукой и ничегонеделанием были заполнены первые годы жизни в провинции Екатерины Соломирской. Часто надолго оставаясь в имении одна, когда муж уезжал по делам в Екатеринбург или в столицу, она тяготилась этим одиночеством, почти тосковала, скучая и вспоминая прежнюю столичную жизнь, когда она слыла светской львицей. Но постепенно Екатерина Александровна наладила контакты с представителями екатеринбургского общества: посещала местные ассамблеи, балы, вечера местной знати, театр.

Одним из любимых занятий семьи стала постановка домашних спектаклей, главными исполнителями которых были домочадцы и их ближайшее окружение. Екатерина Александровна сама выбирала пьесы, ориентируясь на публикации в модных тогда журналах. Импровизированная сцена была сооружена в одной из комнат турчаниновского дома, а костюмы шили совместно. Для детей на именины в семье всегда устраивались праздники – игры и лотереи. И Павел, и Екатерина прекрасно пели и играли на пианино, стихийно каждый день организовывались музыкальные вечера, на которые приглашали и заезжих музыкантов, обсуждая с ними прослушанные произведения. Со временем любимыми вечерними занятиями Соломирских стали игры в преферанс и бильярд.

Письма охватывают довольно продолжительный период времени, который позволяет, во-первых, проследить в динамике развитие взаимоотношений внутри семейства уральского заводчика; во-вторых, увидеть, как менялось мировоззрение членов семьи, их взгляды на многие жизненные, в том числе и бытовые, ценности; и, наконец, реконструировать повседневную жизнь дворянского семейства в течение двух десятилетий дореформенного периода.

Изучение писем делает очевидным изменения ценностных установок данного дворянского семейства. Являясь носителями культуры высшего дворянства, старшее поколение рода Соломирских в провинции воссоздали некую культурную среду, в которой вращались только члены их семьи: чужих в этот круг избранных не пускали. Замкнутость в конечном счете привела к тому, что Екатерина Александровна и Павел Дмитриевич как

представители высшего светского общества, так и не смогли смириться с новыми условиями своего провинциального существования. В то же время их дети, выросшие на Урале, другими глазами смотрели на окружающие их вещи: они ценили природу, перенимали элементы традиционной русской культуры и смогли разорвать замкнутое пространство семьи, приспособиться к нравам провинциального общества: то, что было неприемлемым для родителей, для детей становится обыденным, они не только общались с представителями разных сословий, но и всячески старались помочь нуждающимся, были активны в общественной и культурной жизни и Сысертского завода и уездного города Екатеринбурга. Таким образом, переезд старших Соломирских в провинцию привел не только к кардинальному изменению бытового уклада, но и культурных ценностей представителей высшего столичного светского общества.

В целом, эпистолярное наследие Соломирских требует детального и глубокого исследования не только как источника для изучения повседневной жизни имения и помещичьей семьи в нем, но и других малоизученных страниц из истории города Екатеринбурга, Сысертского горного округа, и уральского региона в целом. Полностью научный потенциал данного источника будет реализован готовящейся публикацией всего комплекса писем, предпринимаемой авторами данной статьи.

---

¹ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А. К. Соколова. М., 2004. С. 270.

² См. об этом: Источниковедение: теория, история / под ред. И. Н. Данилевского. М., 1998. С. 640–641; Голиков А. Г., Круглова Т. А. Источниковедение отечественной истории / под ред. проф. А. Г. Голикова. М., 2000. С. 394; Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А. К. Соколова. М., 2004. С. 324–327 и ряд др. работ.

³ НИОР РГБ Ф. 41. Карт. 132. Д. 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54.

⁴ См., напр.: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Лейпциг, 1976; Керн А. П. Воспоминания, дневники, переписка. М., 1974; Письма И. С. Тургенева и А. И. Герцена к А. А. Краевскому СПб., 1893; Письма Александра Тургенева Булгаковым М., 1939; Переписка Александра Ивановича Тургенева с князем Петром Андреевичем Вяземским. Лейпциг, 1976; Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной, 1813–1852. М., 2009; Долли Фикельмон. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург / публ. и коммент. С. Мрочковской-Балашовой. М., 2009. и др.

⁵ См.: Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (по материалам переписки). М., 1999.

⁶ Подробнее о Соломирских см.: Пирогова Е. П., Неклюдов Е. Г., Ларионова М. Б. Род Турчаниновых. Екатеринбург, 2008.